

НАША СТРАНА

Год издания 71-й. Буэнос Айрес, 8 декабря 2018

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 8 de diciembre de 2018 No 3091

100-летний юбилей патриарха русской зарубежной публицистики

Заканчивающийся год был юбилейным для «Нашей Страны», которой в сентябре исполнилось 70 лет. Этому событию был посвящен отдельный сдвоенный номер (№ 3085-3086), в котором было напечатано множество поздравлений, и мы выражаем искреннюю признательность за столь высокую оценку и добрые слова по адресу газеты и ее сотрудников.

Есть еще один юбилей, который «Наша Страна» отмечает в этом году. Это — столетие самого старинного, самого многолетнего (почти 63-летний стаж — уникальный случай для русской, да и мировой публицистики), самого плодотворного и многогранного нашего сотрудника — Даниила Фёдоровича Петрова "Владимира Рудинского").

Боец Русского Освободительного Движения 1941-45 годов; активнейший монархический деятель; верный сын Зарубежной Церкви; талантливый писатель; крупный ученый-лингвист, владевший десятками языков, обладавший энциклопедическими познаниями и совершенно феноменальной памятью; поразительно работоспособный труженик, не переставший писать до последнего дня своей долголетней жизни (а прожил он без малого 94 года), Даниил Фёдорович Петров представлял собою целую эпоху в жизни русской политической эмиграции, являлся её богатейшим олицетворением.

Рудинский блестяще писал на все затрагиваемые им темы, ум его был столь же острым, как и его перо. А какие ясность суждений и богатство языка!

Даниил Фёдорович родился в Царском Селе 3 мая 1918 года (в то время это было «Детское Село»; название «Пушкин» присвоили перед самой Второй Мировой). Сын врача, он окончил там школу. А потом в Ленинграде — филологический факультет, где изучал романские языки.

После начала советско-германской войны, отец с матерью оказались, как и он, в оккупированной зоне, но дальше они потеряли друг с другом связь навсегда.

У него было два старших брата,

оба женатые и с детьми. Один — инженер на большом заводе в Ленинграде. А другой — профессор в Воронежском университете, генетик, работавший, в разное время, с Вавиловым и с Мичуриным, боровшийся с Лысенко и Ко, и за это пострадавший, но выживший.

В советскую армию Даниила Фёдоровича мобилизовать не успели: наступление немцев оказалось слишком быстрым (а до того была отсрочка как студента). Стремясь бороться за освобождение России от коммунизма, он поступил в Вермахт переводчиком, но потом перешёл к испанцам, в легендарную «Голубую Дивизию».

Про ту пору он писал: «Хвастаться подвигами, причём многолетней давности, мне было бы как-то даже смешно. Но как факт: я ведь служил у немцев, а часть времени у испанцев. Вы знаете, что испанцы, в самом деле, народ бесстрашный. И мне уж никак нельзя было от них отставать. А когда имел дело с немцами, то тут уж, из национальной гордости, надо было показывать при каждом случае, что русские никак не хуже них; но это уж было сравнительно и легко. Однако, чем я отчасти и впрямь горжусь, было то, что после войны, в проклятые годы Liberation, когда наших выдавали и травили как зайцев, и многие, — с полным основанием, так что нельзя было и осуждать, — были совершенно морально раздавлены, я активно действовал, стараясь людей спасать, и кроме того, писал в антикоммунистической печати; это уж, бесспорно, — одним из первых из новой эмиграции!».

Немцы испанцев не любили и организовали арест всех русских, служивших в Голубой Дивизии, ища фантастических заговорщиков. Вот тогда Даниил Фёдорович, как он неоднократно рассказывал, попал в руки бывшего энкаведиста и будущего руководителя партии солидаристов НТС, в тот момент служившего в нацистском СД, — Николая Николаевича Рутченко-Рутыча. В результате, Даниил Фёдорович был им отправлен в лагерь смерти в деревне Натальевка.

Кстати, у Даниила Фёдоровича имелись серьезные доказательства причастия Николая Рутченко-Рутыча к насильственным выдачам русских антикоммунистов Советам после войны, и в соответствии с его просьбой в «Нашей Стране» были опубликованы эти материалы уже после его смерти.

Тогда же, приехала комиссия из двух молодых немецких офицеров, проверять дела заключенных, и не найдя в его «деле» никаких правдоподобных обвинений, Петрова освободили (а потом этот барак сгорел, и все заключенные с ним...).

Вернуться в «Голубую Дивизию» ему не дали, а направили в отдел пропаганды. Сперва переводчиком, а потом главным образом журналистом в издававшихся на русском языке антикоммунистических газетах в оккупированной части

СССР. Там же работали Н. Н. Лихачёв (позже, под псевдонимом Светланин, редактор журнала «Посев», Н. И. Поляков (позже эмигрантский журналист под именем Н. Осипов; солидарист, потом отколовшийся), Ф. И. Горб (позже священник и писатель Фёдор Горб-Кубанский), Д. Токарев (писавший во время войны как Дмитрий Доля, позже в Канаде).

Их начальником был немецкий офицер, который в русских делах ничего не смыслил, только строго следил за дисциплиной, а им не мешал. Но кадры подобрал довольно-таки блестящие, судя по их дальнейшей судьбе.

Оперировали близ фронта в разных городах и местечках; долго стояли в Тосне, 50 километров к югу от Питера. Когда фронт покатился назад, их переправили в Латвию, в Двинск. А потом уже в Берлин, где их передали в «Винету», отдел по русским и советским делам при министерстве Пропаганды. Название было дано в честь легендарного славянского города в Германии, затопленного морем.

В Берлине Даниил Фёдорович работал также переводчиком и по всякой литературной работе, вплоть до его падения — пережил там самые страшные бомбардировки.

В последний момент, когда все бежали, он, с одним из сотрудников, сожгли в бюро на Мюнцштрассе брошенные дела с именами и фотографиями служащих, чтобы не попали в руки большевикам.

Из окруженного Берлина он бежал на Запад, пристал на время к группе французов, добрался до речки Мюле, — а за ней стояли американцы. Чудом смог перейти и выдал себя за француза; его отправили во Францию. Там прошёл три лагеря для Ди-Пи — перемещённых лиц, — последний в Париже на улице Леру.

Выйдя, поселился в русском общежитии на улице Шато де Рантье; работал в библиотеке Школы Восточных Языков. Через корниловского полковника М. Н. Левитова, которого знал по Берлину и встретил, прийдя в церковь на улице Дарю, познакомился с писателем Р. Б. Гулем, а через того с историком С. П. Мельгуновым: сотрудничал в его журнале. Потом перешёл в журнал конституционных монархистов Е. А. Ефимовского.

Мельгунов и его друзья организовали комитет, более или менее подпольный, по помощи новым эмигрантам; Даниил Фёдорович туда направлял людей, которые бы иначе дорогу к нему не нашли. Многим помог.

После войны совпатриоты очень на него охотились; но он им втирал очки, что будто родился в Латвии, в семье эмигрантов. И, при разговорах, будто с увлечением начинал рассказывать, как хорошо жилось в Латвии, и вставлять фразы по-латышски. Тут они чесали голову, и донести, как на советского подданного, не решались. Впрочем, французы выдавали

вообще не очень охотно — не чета англичанам. Те уж старались...

В Париже он активно участвовал в общественной жизни, выступал на собраниях, делал доклады. А также проучился два года в Богословском Институте на улице Крима, находящемся в юрисдикции Парижской Архиепископии. Потом его исключили — фактически за то, что поехал в Брюссель на съезд имперцев, не испросив разрешения, хотя это было во время каникул. Там познакомился с монархическим деятелем Н. Н. Воейковым, с которым у него завязалась дружба на всю жизнь.

Затем поступил в Школу Восточных Языков, где изучал малайский, и её окончил. Лингвистикой занимался всю жизнь. По Ленинградскому университету знал языки: французский, испанский, португальский, итальянский, румынский, латынь, английский. По Школе Языков — немецкий. Позже изучал многие другие, включая малайско-полинезийские.

Один момент работал из Парижа на американском радио в Мюнхене; его завербовал писатель Гайто Газданов. Но возглавителем радиостанции он не подошёл, также, как и они ему; не из-за качества, конечно, а из-за политических взглядов.

Был представителем в Париже Высшего Монархического Совета и монархической подпольной организации «Русские Революционные Силы». Когда в 1960 г. в Париже ожидался приезд Хрущёва, Даниил Фёдорович, в числе других антикоммунистов, был арестован французской полицией и сослан на Корсику, в город Иль Русс, как опасный для советских главарей монархист. После этого, когда кто из большевистских «вождей» приезжал во Францию, Петрова заставляли являться в участок расписываться.

Даниил Фёдорович создал монархическую группу новых эмигрантов, написавшую обращение князю Владимиру Кирилловичу. И организовал приём в русской гимназии в предместье Парижа Отейле, где глава Династии встретился с новой эмиграцией. Присутствовали казаки, крымские татары, армяне, власовцы и участники других антикоммунистических воинских формирований.

До последнего издыхания Даниил Фёдорович сохранял верность памяти князя Владимира Кирилловича. Но был весьма разочарован действиями его потомков. Вот, что он мне писал: «Самое ужасное — поведение Церкви. В России патриарх Алексий явно делает ставку на большевиков, и ужасно, что он сумел подчинить своему влиянию и стбить с толку Династию. Мне от Династии был сделан строгий выговор. А затем, Закатов (секретарь княгини Марии Владимировны) и Вуич (известный её лизоблюд) прекратили со мною общение. Так что я и сделать ничего не могу. Должен наблюдать пассивно,

как воз валится в пропасть... Ну, что я мог, я сделал. И в награду получил лишь оскорбления».

А пять лет спустя, снова сетовал: ««Предтеченский Листок» Вучича решительно ориентируется на объединение с Московской Патриархией. Что очень неприятно. Ещё хуже дружеские отношения Марии Владимировны с патриархом Алексеем. Как-никак, он — бывший сексот».

Свой путь журналиста, литературоведа и учёного-лингвиста Даниил Федорович начал сразу же после войны, как только оказался в эмиграции, и поскольку писать под своим именем было опасно, он выбрал себе псевдоним «Владимир Рудинский». Примерно в то же время появился другой его персонаж, «Аркадий Рахманов». С тех пор все его статьи выходили под псевдонимами, исключение он делал лишь для научных лингвистических статей, которые подписывал своей настоящей фамилией. Публиковался Даниил Федорович во множестве журналов выходивших в лагерях Ди-Пи — в Германии, в Италии, особенно у Н. Н. Чухнова, впоследствии редактора нью-йоркского монархического журнала «Знамя России». С Иваном Солоневичем завязал переписку, когда тот был еще в Германии. Первая статья Рудинского в «Нашей Стране» появилась в № 6, от 11 ноября 1948 (!).

Кроме «Нашей Страны», он писал в парижских «Возрождении», «Русской мысли», «Русском пути» и «Русском Воскресении», брюссельском «Часовом», нью-йоркских «Знамени России», «Заре России», «Новом Журнале», «России», «Наших Вестях» и «Новом Русском Слове», сан-франциской «Русской Жизни», канадском «Современнике», германских «Русском Ключе» и «Голосе Зарубежья», аргентинском «Вестнике».

Помимо очерков и статей, писал Даниил Федорович и художественные произведения, рассказы и новеллы, многие из которых в конце концов были собраны в книге «Страшный Париж», вышедшей в 1992 г. в Иерусалиме, и в 1995 г. в Москве. На родине автора, в библиографическом справочнике «Литература и искусство» о ней писалось: «Этот уникальный, написанный великолепным языком и на современном материале, «роман в новеллах» можно отнести одновременно к жанрам триллера и детектива, эзотерики и мистики, фантастики и современной «городской» прозы. Подобная полифония в одной книге удалась автору благодаря лихо «закрученному» сюжету. Эзотерические обряды и ритуалы, игра естественных и сверхъестественных сил, борьба добра и зла, постоянное пересечение героями границ реального мира, активная работа подсознания, — вот общая концепция книги. Герои новелл «Любовь мертвых», «Дьявол в метро», «Одержимый», «Вампир», «Лицо кошмара», «Египетские чары» и др., оказываясь в водовороте загадочных событий, своими поступками утверждают: Бог не оставляет человека в безнадежном одиночестве перед лицом сил зла и вершит Своё высшее правосудие».

Даниил Федорович писал под целым рядом псевдонимов: Владимир Рудинский, Аркадий Рахманов, Геннадий Криваго, Виктор Штремлер, Елизавета Веденева, Савва Юрченко, Вадим

Барбарухин, Гамид Садыкбаев...

И сам над собой подтрунивал по этому поводу: «Мои холуи: Савка, Аркашка, Геннашка, да и Елизаветка, — могут при случае, со мною спорить или мои высказывания дополнять. Но хвалить меня они не должны; иначе, в случае разоблачения, получится очень стыдно и позорно; что я сам себя, под псевдонимами, выдвигаю и поощряю. Забавна мне карьера Елизаветки. Она, как говаривал Пушкин: *Все сердца пленяет эти, Те, те, те и те, те, те.*

Витка Штремлер, по-моему, не в свое дело полез: про Умберто Эко скорее бы уж мог писать Геннашка, который живёт в Италии, знает по-итальянски и интересуется литературой. Вот он-то уж наверняка Эко читал, — и в подлиннике».

Свою страсть к употреблению псевдонимов, он объяснял так: «Этот вопрос является необычайно болезненным для подсоветских, включая диссидентов. Вы помните истерические упреки национал-большевика Куняева, обличающего меня в трусости за то, что я пишу под псевдонимами. По-видимому, Назаров ему сказал, что я в «Нашей Стране» пользуюсь многими. Но мы все, вторая эмиграция, меняли и паспортные имена, и имена для печати. Весьма понятно, у каждого оставались в СССР родные и друзья, которых по тамошним законам вполне легально можно и должно было свирепо наказать за наши грехи. Потому и Башилов, и Лидия Норд, и Гротов-Ростов скрывались за псевдонимами. Ширяев был сперва Алымовым, а если потом расхрабрился, то оттого, что всю семью вывез за границу. Могу уточнить, что Сергей Петрович Мельгунов, человек абсолютно бесстрашный и с опытом подпольной работы, когда я принёс ему статьи, мне велел выбрать псевдоним. Как он объяснил, не хотел брать на себя ответственность, если я пострадаю из-за сотрудничества в его «Свободном Голосе» (менявшем, впрочем, названия, от номера к номеру, так как советский посол Богомолов требовал запрещения, и французы ему уступали)».

Многочисленные персонажи-псевдонимы Петрова жили как бы своей жизнью, в разных странах, и отвечали за различные тематики и направления. Это был целый мир непохожих друг на друга личностей. Так, парижанин Аркадий Рахманов писал исключительно на лингвистические темы и вёл в «НС» рубрику «Языковые уродства», неустанно борясь за чистый и правильный русский язык, и резко и непримиримо критикуя всевозможные модернизмы, новояз и просто лингвистические ляпы, допускаемые писателями и журналистами, как отечественных, так и русского зарубежья. Канадец Гамид Садыкбаев вёл рубрику «Монархическая этнография» и публиковал исследования по истории народов России дореволюционного и советского периодов. Савва Юрченко из Швеции был, наряду с Владимиром Рудинским, ведущим литературоведом газеты и был ответственным за рубрику «Среди книг». Геннадий Криваго из Италии, Виктор Штремлер из Греции и лондонец Вадим Барбарухин выступали с краткими заметками и письмами на разные темы, принимали участие в рубрике «Трибуна читателя», печатали дополнительные комментарии на темы, уже разобранные Владимиром Рудинским. Иногда

персонажи эти не соглашались друг с другом, спорили и даже критиковали друг друга. И, наконец, Елизавета Веденева из Бельгии в течение многих лет была политическим рупором Даниила Федоровича, и ее рубрика «Миражи современности» часто была самым острым, эмоциональным и ярким разделом газеты, печатавшимся как правило на первой полосе.

Помимо журналистической и литературоведческой, Даниил Федорович вёл большую научно-исследовательскую работу. Несколько лет трудился во французском Центре Научных Исследований, а потом в отделе американского Йельского университета. Там составлял рефераты научных статей из журналов и книг на десятках разных языков, — по лингвистике, истории, литературе и пр. Как он сетовал, платили, — особенно французы, — гроши. Эксплуатировали иностранных студентов и беженцев.

Работы Даниила Федоровича в области лингвистики (он занимался сопоставлением австронезийских и индоевропейских языков), — увы, доселе не обнародованные, — имеют не только научное, но и богословское, религиозное значение, доказывая существование первоначального единого языка человечества, исходящего от одной, и очевидно небольшой, группы. Если не из единой пары. А научное доказательство, что некогда был единый язык у человечества (а значит и общие предки) было бы свидетельством об истинности библейского повествования. И, следовательно, подтверждением христианству.

Статья об этих изысканиях была им напечатана в журнале Orbis, в Лувене, томе XVI, № 2, еще в 1967 году. Потом он многое уточнил.

В первые десятилетия эмиграции Даниил Федорович жил часто впроголодь, все средства и свободное время отдавая служению России и монархической идее. И на протяжении 20-ти лет работал ночным сторожем. Он! Который сделал бы честь любой академии наук!

Невезение в профессиональной карьере (да и в личной жизни, — он не имел семьи), можно отчасти отнести за счёт его весьма тяжелого характера. Но главными факторами несомненно были та травля и то замалчивание, которым он всю жизнь подвергался со стороны масонского фланга русской эмиграции во Франции. Так он и остался — непризнанным гением.

Было в нём нечто от наших суровых Гоголей, Достоевских, с насупленными бровями требовавших от нас исправления. Не портативным он был литератором, а неудобным, неприемлемым для многих.

Многое было утеряно из того, что Даниил Федорович собирал всю жизнь. Вольно, или невольно, но в 1999 году, когда он находился в больнице, при ремонте его квартирки была уничтожена значительная и очень ценная часть его архива, в частности, коллекция редчайших журналов и газеты, где он сотрудничал. Уникальные, почти нигде не сохранившиеся. На машинке, потом типографским способом, — Чухнова в германских лагерях, Ефимовского в Париже, Сакова в Италии, Шапкина в Аргентине, по-французски «Russie-URSS» Майера, и многое другое, всего не перечесать. Это была его гордость и радость, вся монархическая мысль эмиграции за весь период жизни целого поколения!

Слава Богу, значительная часть уцелевшего его архива была всё же передана в русский отдел архива Бременского университета. Однако, Никита Струве отказался передать оставшийся ценный материал в Дом Русского Зарубежья имени Солженицына. Буквально до самой своей кончины Даниил Федорович продолжал горько жаловаться на то, что его научные работы так и пропадут, равно как и не переданная в Бремен часть его архива, включая фотографии, книги и лингвистические рукописи. К сожалению, его худшие ожидания только подтвердились после его смерти. Не легка была земная жизнь Даниила Федоровича Петрова, не сохранилась наиболее ценная с его точки зрения часть архива после его кончины, не стала пухом ему приютившая его французская земля.

Завещание, в котором он распорядился, чтобы его лингвистические рукописи, содержащие открытия в области малайского языка, фотографии, а также лингвистические и другие ценные и редкие книги были переданы на хранение в научный архив Бременского университета, так и не было выполнено его «душеприказчицей» Т. Малаховой. Наиболее ценная часть лингвистических рукописей была вывезена в Россию, а оставшаяся часть архива находится неизвестно где. Кроме того, в течение нескольких лет энтузиасты собирали деньги на похороны Даниила Федоровича, считая, что «душеприказчица» имеет право на захоронение его останков. А дело в том, что поскольку Даниил Федорович не имел родственников во Франции и не оставил завещания формальных распоряжений относительно своих похорон, его останки хранились по французским законам во временной могиле пять лет, в течение которых родственники могли обратиться и организовать перезахоронение в постоянную могилу. Только по истечении этих пяти лет, «душеприказчица» обратилась в похоронную контору за разрешением на перезахоронение, но ей было отказано, так как она не являлась родственницей и не была объявлена ответственной за похороны в завещании. В результате все французские официальные инстанции ей отказали, времени попытаться сделать что-либо ещё не оставалось, и останки Даниила Федоровича были кремированы, а прах развеян, в соответствии с буквой закона, над специально отведенным участком кладбища Пер Лашез. Там, где за многие годы таким же образом был развеян прах многих других не имевших наследников парижан.

Таким образом, часть его творений, да и сам Даниил Федорович Петров разделили печальную участь многих русских эмигрантов. Будем надеяться, что за все его земные мытарства простятся ему грехи его и даруется вечный покой и Царствие Небесное. Произведения же его, во всяком случае те, которые были опубликованы в «Нашей Стране», можно прочесть в соответствующих номерах газеты на нашем сайте.

Рудинского больше нет среди нас, но он жив в своих трудах. И это не клише. Потому что он пишет как дышит. Что ни подвернётся ему под перо, всё живёт и блестит и восхищает. В десять, пятнадцать минут любая картина готова. Такой лёгкости и ясности пожалуй ещё не знала публицистика наша.

Николай Казанцев

Об архиве В. Рудинского

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения Владимира Рудинского (Даниила Фёдоровича Петрова). Он родился 3-го мая 1918 года.

В нашей газете было опубликовано несколько больших статей-некрологов о его жизни и деятельности и много откликов на его кончину.

Здесь я попытаюсь рассказать о последнем периоде его жизни. Когда я познакомился с ним в 1977 году ему было 59 лет. Тогда он был крепкий энергичный человек.

Но в 1996 году ему было уже около 80-три лет, и он стал болеть. У него начались, одна за другой, несколько тяжелых болезней. Однако он продолжал писать литературные и научные статьи в «Нашу Страну» и Мосты».

Но главной его заботой в эти годы была судьба его научных лингвистических рукописей (он продолжал работать над теорией малайского языка). Он часто мне говорил

Последнее пристанище В. Рудинского (ближняя плита посредине, без таблички, с номером), откуда его превратили в прах и рассеяли где-то над кладбищем Пер-Лашез.

с тоской: всё пропадёт.

Мы надеялись, что его бесценные лингвистические рукописи и драгоценные многочисленные словари редких афро-азиатских и американских (индейских) языков, а также другие ценные книги попадут в Бременский Архив (и будут поставлены на интернет), о чём была договоренность. Рудинский составил нотариальное завещание, которое хранится в Бременском Университете.

Но вышло не так. Рудинский предполагал, что Бременский Архив пришлёт представителя, который все заберёт. Но Архив полагал, что все материалы должны быть ему доставлены.

Однако держательница материалов, которой Рудинский доверил ключи от квартиры (она была координатором социальных служб, его опекавших) и которой наказал исполнить в точности его завещание (и завещал ей все свои деньги) присвоила их себе и заявила, что отвезёт все в Москву и там передаст «для изучения».

Как раз против такого резко возражал Рудинский, так как при этом его открытия могли быть присвоены или утеряны. И неизвестно даже будет, к кому попали эти материалы. К сожалению, не был составлен точный перечень всех рукописей и ценных книг (обо всём этом я писал в «Нашей Стране» в двух заметках в конце 2014-го года).

Конечно, Рудинскому следовало бы заранее, вместе с держательницей и под своим руководством, составить этот список и пригласить контору для упаковки из отправки всего этого в Бремен. Но, увы, он этого не сделал.

Дальнейшая судьба архива Рудинского мне неизвестна.

Е. Кармазин

БЕЛЫЕ НЕ ОШИБАЛИСЬ ВОЮЯ В 1941-1945 ГОДАХ

«Советская власть была такова, что даже оккупация лучше. Так благодаря Эстонии - уцелела Псково-Печерская обитель. А благодаря довоенной принадлежности Южного Сахалина Японии остров оказался не опозорен ГУЛАГом».

Это - фрагмент дневниковых записей поэта Юрия Кублановского, опубликованный в московском журнале «Новый Мир» № 4, за 2013 год.

В 2003 году Юрию Кублановскому была вручена премия Александра Солженицына за «правдивую точность поэтического слова, за богатство и метафоричность языка, за ясную гражданскую позицию».

По словам Александра Исаевича, «поэзия Юрия Кублановского — отличается верностью традициям русского стихосложения, ненавязчиво, с большим чувством меры обновлённой метафоричностью — никогда не эксцентричной, всегда оправданной по сущности; и естественной упругости стиха, часто прорывающегося к перечитыванию и запоминанию».

КОВАРНЫЙ АЛЬБИОН

Было время на Руси, когда английские купцы-шпионы пользовались большими льготами. Это происходило при Иоанне Грозном (1530-1584). Они видно пришлись ему по сердцу, ибо царь даже вынашивал мысль о династическом сближении с Великобританией, но хитрая английская королева Елизавета Первая, вместо себя хотела подсунуть русскому монарху свою племянницу, мисс Хэйстингс. Лишь кончина царя помешала этой сделке - с товаром второго сорта.

Нескрываемая ненависть англичан к России берёт своё начало в эпоху императора Пётра Первого. Раздосадованный постоянными раздорами среди союзников, к которым присоединилась и алчная на чужое добро Англия, он в 1717 году вывел все свои войска (40.000) из Дании и Германии.

В 1718 году, в самый разгар русско-шведских переговоров по поводу объёмного союза, на который шведский монарх, теснимый со всех сторон, дал согласие, Карл Двенадцатый был убит в Норвегии, пулей в спину, при осаде Фридрихсгалла. Преждевременная смерть этого северного льва (1682-1718) - весьма загадочна; он кому-то пришёлся не по вкусу.

Ульрика Леонора, сестра и преемница сражённого короля, прервала переговоры и продолжила войну с Россией, создав коалицию во главе с Англией. Однако император Пётр Первый не испугался английского флота и дал приказание русскому опустошать восточные берега Швеции, и в 11-ю годовщину славной Полтавской баталии, 27 июня 1720 года, князь Голицын разбил шведский флот. Это стало последним сражением двадцатилетней войны, начавшейся на суше.

А 10 сентября 1721 года в Ништадте был подписан мир со Швецией. Начался политический закат Швеции как крупной державы и уже Балтийское море перестало быть шведским озером.

Интересно, что в Англии в эпоху короля Генриха Восьмого (1491-1547), этого типичного принца ренессанса, увлекавшегося поэзией, музыкой и богословием, покровителя наук и искусств, являвшегося старшим современником царя Ивана Четвертого (1530-1584), погибло в одиннадцать раз больше народа, чем при Грозном. Большинство жертв при Грозном падает на мрачную, кровавую опричнину, унёсшую около шести тысяч жизней.

Опричники часто орудовали без ведома монарха. Кроме того, в их рядах было немало чужеземцев, а некоторые из них в своих «мемуарах» валили всё на Грозного, стараясь обелить своё жуткое прошлое.

Вообще нужно сказать, что яркая личность царя, в своей совокупности, полна драматизма и противоречий...

И не разгадана до конца.

"Материалы для истории Грозного далеко не полны, и люди, не имевшие с ним прямого знакомства, могут удивиться, если узнают, что в его биографии есть годы, даже целые ряды лет, без малейших сведений о его личной жизни и делах» - это слова маститого русского историка С. ф. Платонова.

Кстати, королева Елизавета Вторая принимала у себя во дворце советского диктатора Никиту Хрущёва, прибывшего в Англию на крейсере носившем имя цареубийцы Свердлова, пожала окровавленную руку очередного палача русского народа... и пила за его здоровье.

Причём английский королевский дом обогащался, покупая за малую плату ворованные большевиками романовские драгоценности, или просто брал их, как это сделала вдовствующая королева Елизавета, мать королевы Елизаветы Второй, присвоившая себе вещь, принадлежавшую сестре Государя - Великой Княгини Ксении Александровне.

На справедливый вопрос последней, - как эта вещь оказалась у неё?, - последовала циничная отповедь королевы-матери, что мол Великая Княгиня плохо следит за своими принадлежностями, в которых она видимо не нуждается.

Также на совести этой омерзительной Виндзорской династии, до Первой Мировой войны называвшейся Ганноверской, миллионные насильственные выдачи коммунистам русских людей, как военных, так и гражданского звания, с атаманом Красновым во главе. Во Вторую Мировую войну, ещё до ялтинского соглашения, англичане стали выдавать большевикам русских в немецкой форме, по павших к ним в плен, что совершенно противоречило духу Женевской Конвенции.

Такая же трагическая участь постигла и генерала Дражу Михайловича, обманном путём выданного англичанами красному диктатору Тито, как произошло и со многими сербскими националистами, сражавшимися за короля Югославии Петра Второго.

Граф А. Коновницын

НОВЫЕ ЦЕНЫ ПОДПИСКИ НА "НАШУ СТРАНУ" НА 2019 ГОД:

В Аргентине - 700 песо
В Европе - 60 евро.
В Австралии - 85 американских долларов.
В Канаде - 80 американских долларов.
В США и остальных странах - 75 долларов.

ПРЕСТУПНЫЙ КОМСОМОЛ

Бывают события, которые долго помнятся. Весельями капустниками от сельских клубов до главного дворца столицы, с песнями и наградами отгремели мероприятия, приуроченные к столетию рождения Комсомола. Так в Краснодарском крае в честь этого события был поставлен памятный знак «Комсомольцам всех поколений в честь 100-летия!», а в Якутии ветераны комсомола устроили факельное шествие. В селе Полозово Пермского края пошли ещё дальше, так сказать «по комсомольски» и, прямо у храма поставили огромный камень с табличкой: «Борцам, павшим за Советскую власть"!?. Удивляет то, что инициатором и главным исполнителем стал сам председатель приходского совета церкви - В. Дьяченко, который вместе с главой поселения и открыл памятник. Продолжать можно долго.

Известно, что свою родословную орденосный «помощник партии» ведёт с начала Гражданской войны, когда он шёл туда, куда она его посылала. Система буквально паразитировала на естественном биологическом состоянии человека – его молодости, придавая ей то или иное, но удобное ей направление. Комсомольцы, как и коммунисты, отличались в этой войне невиданной жестокостью. Именно из комсомольцев формировались Части Особого Назначения (ЧОН), наводившие ужас на местное население.

Эта организация стала единственной молодежной организацией в советской стране. Другие были вне закона. Идя вкуче со своей покровительницей, организация имени Ленина приняла действенное участие в уничтожении русского крестьянства. Однако, одна из наиболее «ярких ее страниц» прошлого, это широчайшее участие в антирелигиозных кампаниях. Трагедия верующей молодежи и глумление над святынями, сделали Комсомол в эти годы одним из самых действенных орудий атеистической пропаганды. Разрушением церквей дело не ограничивалось. Епископ Саранский Мефодий (Великанов) — духовный писатель, богослов, автор учебника «Русской словесности» был упокоен в Вознесенском соборе Саранска в 1914 году. В 1932 году комсомольцы вскрыли могилу, сняли все ценное, похитили крест, панагию, митру. Мощи его были вытащены из гроба в нижнем белье. На верёвке их поволокли по битым кирпичам и сбросили тело под памятником Ленину.

Самое главное нам не забыть: забесовщину, которая породила эту структуру, Историческая Россия платила весь XX век страшную, кровавую цену.

С. Простнев

ЧЬЁ ДЕТИЩЕ УКРАИНА КАК ГОСУДАРСТВО?

В одном из храмов Зарубежной Церкви, не переметнувшихся под Московскую Патриархию, поминается одна, к величайшему сожалению, Украина, как самостоятельного государства, наравне с Россией. Таким образом настоятель этого храма признаёт отделение исконно русской области – Малороссии – от России. На что бы никогда не согласились все ушедшие в иной мир его белые прихожане. Очень и очень печально.

Причём видимо забывается, КТО создал Украину как государство.

Ведь именно благодаря Ленину Украина и возникла, он её творец. Не единственный, но ключевой. Если бы украинствующие были образованнее и честнее, они бы потрудились воздвигнуть в центре Матери Городов Русских, Киеве, истинный памятник Незалежной Самостийности Украины. Это должна была бы быть трех-фигурная композиция: в центре возвышающийся немецкий Император Вильгельм Второй

Гогенцоллерн, а у его подножия почтительно склонившиеся марксист-революционер Израиль Лазаревич Гельфанд (Парвус) и Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

Напомним, что в январе 1915 года Парвус встретился с немецким послом в Константинополе Гансом фон Вагенгеймом, в разговоре с которым выдвинул идею организации революции в России. Как следует из донесения Вангенгейма, Парвус убеждал немецкого посла в полном совпадении интересов правительства Германии и русских революционеров; зная о заинтересованности немцев в Украине Парвус заявил, что русские революционеры смогут достичь своих целей только при условии раздела Российской Империи на малые государства.

Вот такой памятник должны бы установить в Киеве украинские самостийники. Это было бы точно и честно.

Б. Гасан

ВСПОМИНАЯ ДЖОРДАНВИЛЬ

4.

Профессор Свято-Троицкой Духовной семинарии Иван Михайлович Андреевский всегда волновался, когда нам, семинаристам, что-то было непонятно на лекциях любимых им предметов. По его убеждению духовные лица должны были обладать многими важными знаниями, но в особенности апологетикой и литературой. Если он замечал что у какого-то семинариста есть сомнение, то Иван Михайлович с подозрением начинал смотреть на вопрошающего и слушателям казалось, что он готов прыгнуть через парты, чтобы начать словесное сражение и доказать свою точку зрения.

Энтузиазм его любви к апологетике и к литературе постепенно передавался и его ученикам, становясь также их мировоззрением. Он увлекал и тем что, имея колоссальное количество сведений о Достоевском, Гоголе, Пушкине и других русских писателях, предельно ярко передавал их семинаристам. Как-то раз он до начала занятий принёс в класс шахматную доску и расставил на ней фигуры, после чего начал лекцию... о Пушкине.

Пушкин был всесторонним гением, сказал он, старавшимся узнать всё, что только возможно. Он очень интересовался историей России, но также и жизнью других стран. К концу своего существования он стал историком, написав «Историю Пугачёвского бунта».

После смерти Пушкина, разбирая его архив для полного издания трудов писателя, Павел Васильевич Анненков освещал главным образом его последние годы, когда Пушкин, сделавшись семьянином начал обращаться к религиозным чувствам. Из уважения к покойному, он не упоминал о заблуждениях молодости, восхвалении вина и т. д. Он не указывал также и на исторические ошибки в трудах Пушкина, а рассматривал главным образом его литературный талант, то есть то качество, которое принесло ему славу. И наш профессор Андреевский тоже вовсе не упоминал о проступках, которые были отмечены другими авторами.

Пушкин увлекался всем и подмечал многое, что проходило мимо взгляда других людей. Одним из увлечений поэта были шахматы. Об игре он писал в письмах к своей жене, радуясь, что она также ими заинтересовалась. В четвертой главе романа «Евгений Онегин» он также пишет об игре. Пушкин был подписчиком выходившего в Париже журнала шахматистов.

О своей игре он вспоминал и в автобиографической заметке «Холера». Об игре поэта со студентом Вульфом в Пушкинском музее имеется даже картина, изображающая игроков. Из биографии мы узнаем, также, что за день до дуэли, Пушкин играл в шахматы в гостях у Мещерского.

«Оставляю вам для решения шахматную доску», сказал Андреевский, «и если кто из вас сможет решить три следующих хода, то на следующей лекции скажите мне. Почему я вам сообщаю об увлечении Пушкина шахматами, спросите вы? А потому что в поэзии он пользовался математической точностью, расположением ударений и слогов. Сочинения автору не давались легко, он над своей работой трудился долго и усердно, и его труды следует понять и оценить. Вот я вам раздаю листки с несколькими стихами Пушкина, и мы их разберём, дабы понять труд и гениальность автора. Возьмём стихотворение «Узник» написанное трёхстопным амфибрахийем в конце которого видим один ямба. Уже в первом слове «сизу» читатель слышит длинный звук, «у» который вызывает грусть печаль и тоску. Через строчку Пушкин уже наталкивает читателя прямо на это слово: «Мой грустный товарищ». Стихотворение написано смежной рифмой с изумительным звучанием, позволившим переложить его на музыку. Везде, кроме двух строчек, по четыре ударения, а в одном пять ударений. Стихотворение не обычно по своему стилю, в нём выражается стремление узника к свободе. Это стремление заключенного полностью передаётся читателю употреблением во втором стихе нескольких глаголов: «клюет и бросает, и смотрит в окно». В этом стихе семь глаголов, а в первом и третьем их по три. Это создаёт впечатление усиленного действия и призыва, который делается в конце, когда подряд три строчки начинаются словом «туда»; в них Пушкин перечисляет отличия темницы от свободы. Мы видим также в стихотворении недоговоренность и умолчание автора в словах узника: «зовёт» и «со мною задумал одно». Внимание читателя привлекается тем фактом, что узник находится в тюрьме, но его душа стремится к другому миру там где – свобода. Этот призыв мы слышим в стихотворении через звук «а» начавшись со слова «пора».

Так поучал нас незабвенный профессор Иван Михайлович Андреевский.

Г. М. Солдатов